

DOI: 10.17805/zpu.2019.2.7

Развитие идей о способности субъекта к самостоятельному выбору и современная дискуссия о социальной субъектности

А. А. ДАРГАН

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В данной статье осуществляется анализ теоретических концепций социологов Запада и России, посвященных социальной субъектности. Доминантой, определяющей различия данных концепций, является рассмотрение социальной субъектности как качества личности или качества субъекта.

Социальная субъектность как качество личности рассматривается через обладание личностью совокупности социально-психологических характеристик, которые определяют ее способность осуществлять сознательный самостоятельный выбор в поле социальных отношений, выстраивать ценностное отношение к важнейшим сторонам общественной жизни и планировать свою жизненную траекторию (С. И. Григорьев, Л. Д. Демина, Е. Ю. Леонова, О. Ф. Ларионова). Рассмотрение социальной субъектности как качества личности делает возможным его двухуровневую дифференциацию, а также открывает перспективы изучения механизмов формирования определенного типа социальной субъектности. Ведь при таком подходе социальная субъектность может иметь определенное значение как для самого индивида, так и для общества в зависимости от того, какой он сделал ценностный выбор жизненной стратегии самореализации.

Социальная субъектность как качество субъекта имеет другое определение: это способность субъекта быть творцом социальной реальности, выражающаяся в его способности сделать выбор и далее реализовать его в поле социальных отношений (Вал. А. Луков, Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, Г. З. Нафикова). В рамках данного подхода социальная субъектность может быть рассмотрена на двух уровнях: индивидуально-личностном уровне и групповом уровне, когда субъектом выступает не отдельный человек, а социальная группа. В этом случае социальная субъектность определяется двумя детерминантами: внутренними факторами, качествами субъекта, определяющими его способность сделать выбор в поле социальных отношений; внешними условиями, которые позволяют ему реализовать данный выбор.

Ключевые слова: социальная субъектность; субъект; социальная идентификация; качество личности; качество субъекта

ВВЕДЕНИЕ

Исследование социальной субъектности перспективно при исследовании проблематики существования индивидов и социальных групп в поле социальных отношений и их способности (или неспособности) к самостоятельному, сознательному выбору и преобразению окружающей действительности. Рассмотрение проблематики социальной субъектности позволяет определить те факторы, которые детерминируют формирование субъектной позиции представителей разных социальных групп и общностей, степень их автономности и независимости, а также характер взаимоотношений с обществом. Полученные сведения позволяют восполнить имеющийся в отечественной социологии дефицит сведений в разработке механизмов и методов формирования выраженной субъектной позиции индивида, с высокой степенью автономности и стремлением к субъектно-субъектным отношениям с обществом.

Данная работа ставит своей целью обобщение важнейших результатов социологических исследований о социальной субъектности и обоснование необходимости ее дифференциации как качества личности и качества субъекта. Для этого нами были по-

ставлены такие задачи, как изучение подходов к социальной субъектности в классических социологических теориях и анализ современных исследований по данной проблематике.

*ПРОБЛЕМАТИКА СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ
В КЛАССИЧЕСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ*

Проблематика способности/неспособности индивида (социальной группы) быть субъектом социальной жизни, осуществлять выбор и преобразовать социальную действительность волновала ученых задолго до того, как в социологии стал использоваться сам термин «социальная субъектность». Данная тема является одной из самых дискуссионных в рамках классической социологии. Так, у основоположника социологии О. Конта индивиду не отводилась роль субъекта, творца, создающего и преобразующего существующую реальность. У него «человек в собственном смысле слова не существует, существовать может только человечество» (Конт, 2003: 157). Именно общество он рассматривал как «коллективное существо», а человек в его представлении полностью подчинен социальной жизни и существует на благо общества. Конт, будучи исследователем общества, не мог отрицать очевидного: что человек не просто существует, а ежедневно совершает целый ряд социальных действий, ставит перед собой определенные цели, достигает их. Он — личность, но не творец, способный изменять социальную реальность и направляющий общественное развитие.

Э. Дюркгейм в своих исследованиях большое внимание уделял вопросам формирования общественного сознания индивидов. Он указывал на наличие у человека двух сознаний — индивидуальной личности и коллективного типа, которые связаны друг с другом и в итоге предстают как одно общее, определяя поведение человека в обществе. Член общества становится личностью, по его мнению, только когда индивидуальная составляющая сознания членов общества возрастает, достигая и превышая общественную составляющую (Дюркгейм, 1995: 30). Это дает личности определенную свободу выбора — но лишь в границах существующей в обществе регламентации. Английский социолог и философ Г. Спенсер сравнивал общество с живым организмом, и действия, которые выполняют индивиды, как члены данного общества, как считал ученый, подчинены единым, неотвратимо действующим законам природы, цель которых — прогрессивное развитие общества (Спенсер, 1997). При таком подходе уже само общество, а не Дух, как у Конта, предстает в качестве творца, силы, преобразующей окружающую действительность. Субъект в такой интерпретации помещается внутрь социального организма как присущее ему свойство.

Представители структурно-функционального подхода, опирающиеся на труды Э. Дюркгейма и Г. Спенсера, рассматривают общество как систему, каждый элемент которой связан друг с другом и действует строго в тех рамках, которые ему отводятся, и действия человека не являются исключительно его индивидуальным, независимым выбором, а подчинены общественным законам и возможны лишь в тех узких границах, которые позволяют данному обществу продолжать свое существование и развиваться. Американским социологом Т. Парсонсом представлена концепция акта поведения человека — актора, который, хотя и совершает социальные действия, руководствуясь субъективными мотивами, но данные действия не являются лишь его индивидуальным выбором. Действия актора осуществляются в соответствии с внутренними механизмами общества, направленными на удержание равновесия всей системы и мотивирующими его действовать в соответствии с установленными в общест-

ве нормами, выполнять предписанные роли. Поднимает исследователь и вопрос сопоставления понятий «актор» и «личность». У Парсонса личность — это совокупность единиц действия, наблюдаемых и описываемых в контекстах их отношения к единичному актору. Однако при этом у личности, по Парсонсу, есть эмерджентные свойства (Парсонс, 2002: 291).

С иной концептуальной позиции изучал вопросы социологии немецкий ученый М. Вебер. Веберская социология понимания легла в основу рассмотрения человека, группы, общности как активного субъекта социальной действительности. Вебер полагал, что именно индивид является полноправным субъектом — активным творцом социальной реальности, совершающим действия согласно собственной воле и разуму и конструирующим социальную реальность (Вебер, 1990). Идеи Вебера получили развитие в нескольких теоретических направлениях социологии и способствовали становлению категории социальной субъектности. Так, представители символического интеракционизма (Ч. Х. Кули, Дж. Г. Мид, Г. Блумер) полагают, что социальную реальность создают сами люди в процессе своего взаимодействия, когда они учатся смотреть на себя глазами других людей. Американский социолог Ч. Кули в своих работах поднимает тему выбора, который совершает человек, существуя в социальной реальности. Согласно Кули, человек не просто существует в рамках предложенных действий, а осуществляет свой индивидуальный выбор, и в том, чтобы сделать этот выбор, состоит основная задача разума (Кули, 2000: 46). По мнению ученого, данный выбор человек совершает постоянно, только степень данного выбора различна. Человек не является «марионеткой» в обществе, он проявляет свою индивидуальность, когда проводит рефлексивную работу по отбору и синтезу материала, получаемого через систему влияний. Вся социальная реальность, по мнению Кули, это персональные представления, которые возникают в процессе коммуникации в рамках первичной группы. Социальное окружение внушает человеку определенные мысли и действия, а значит, и выбор, который делает человек, — это результат оказываемых на него влияний социального окружения.

А. Шюц в рамках феноменологической социологии также исходит из того, что актер сам совершает выбор в поле социальной реальности, и задается вопросом, как происходит выбор между разными вариантами действий. Для достижения определенной цели, по мнению ученого, человек должен осуществить отбор элементов социального мира, который принимается им как данность, в биографически детерминированной ситуации, и этот процесс отбора всегда субъективен (Шюц, 2004).

П. Бергера и Т. Лукмана интересует, как выбор человека в поле социальной реальности соотносится с ролью, которую ему приходится принять, и, соответственно, определенными нормами и установками, которые предписывает данная роль. Они полагают, что ключевое значение в том, насколько роль будет управлять поведением человека. Они приходят к выводу, что индивид устанавливает между собой и своим исполнением роли дистанцию, однако в некоторых случаях дистанция сокращается, и над его действиями довлеет роль (Бергер, Лукман, 1995: 68). В этом случае доминантой поведения человека, его действия в поле социальной реальности становятся не собственные мотивы, установки, цели, а те паттерны поведения, которые присущи его социальному статусу и социальным ролям.

Основатель этнометодологии Г. Гарфинкель отмечал, что люди в целом в своей повседневной жизни постоянно конструируют и упорядочивают социальный мир, и предлагал концертрировать внимание при изучении социальных процессов на иссле-

довании уникальных акторов социального взаимодействия (Гарфинкель, 2007). По его мнению, смысл любого действия можно рассматривать только в определенном контексте (Haralambos, Holborn, 2004) в соответствии с ситуацией, в которой действует актер.

Интересен подход к пониманию субъектности, применяемый британским социологом Э. Гидденсом, который внес большой вклад в развитие идей о способности человека к трансформации окружающего мира. По Гидденсу, агенты (акторы) сами создают и до некоторой степени изменяют структуры социальными действиями, при этом они подвержены влиянию структурных характеристик обществ. Как считает Гидденс, главным качеством агента, личности является рефлексия, представляющая собой непрерывный мониторинг деятельности, осуществляемый как самим актором, так и другими (Гидденс, 2005: 40).

Изучением процесса формирования психосоциальной идентичности занимался Э. Эриксон. Согласно Эриксону, результатом осознания себя личностью является свобода выбора (Эриксон, 1996: 165). Идентичность — тот самый регулятор социального поведения, который, приходит к выводу ученый, помогает личности найти равновесие между необходимостью следовать социальным ролям и нормам общества и собственными идеалами, стремлениями и личностными качествами.

Большой вклад в становление категории социальной субъектности внес П. Бурдье (Бурдье, 2005). Центральной проблемой исследований ученого стало установление соотношения между познанием и действием. Он рассматривал индивидов как агентов, которые обладают «активным восприятием мира» и «конструируют собственное мировоззрение», однако отмечал, что его конструирование «осуществляется под строгим давлением» (Кравченко, 2011: 11). Социальные действия индивидов, согласно Бурдье, являются продуктом диалектических отношений между ситуацией и габитусом, которым он обозначал системы устойчивых и перемещающихся установок, благодаря которым человек воспринимает, составляет суждения и действует в социальном мире (Бурдье, 2005). Таким образом, свобода, которая дается габитусом, весьма условна, и агент может ориентироваться в социальном пространстве, с одной стороны, спонтанно, а с другой стороны, в соответствии со сформированной обществом готовностью реагировать, ощущать, мыслить определенным — правильным образом. А значит, и преобразует социальную действительность не столько агент, сколько влияние на агента систем смыслов, культурных концепций.

В последние десятилетия, в условиях информатизации общества, формируется новый взгляд на роль субъекта в изменении социальной реальности и его способности к самостоятельному выбору. Так, бразильский психиатр Ж. Бирман указывает на фрагментацию субъектности, которая в его представлении связана со стимуляцией изменения сознания личности. В результате субъект начал «существовать» «вне-субъектности» и «внутри-субъектности» (Birman, 1999: 152).

Г. Дебор в своей работе «Общество спектакля» представляет теорию, которая разъясняет устройство общественного строя с позиции, отличной от его современников. Сам автор называет эту теорию критической (Дебор, 2000). Дебор, рассматривая в целом движение истории, приходит к выводу, что в современных обществах вся жизнь проявляется как необъятное нагромождение спектаклей. Человек в этом обществе спектакля является зрителем или актером, а не полноправным субъектом. Ведь чем больше человек созерцает, тем меньше он существует в поле социальной реальности, чем больше он признает себя в образах потребностей, тем меньше человек пони-

мает смысл существования и свои желания. Развивая данную мысль, можно предположить, что в такой ситуации меньше возможностей для принятия по-настоящему самостоятельного, подлинного выбора в поле социальной реальности, в соответствии с собственными потребностями, мотивами и ценностями. Человек превращается в деятеля, который управляем и направляем. Происходит это в условиях социальной театраллизации «Я». В результате в современном обществе, как считает ученый, происходит процесс десубъективации индивида.

Интересен взгляд на проблематику социальной субъектности П. Штомпки. Он представляет человека как созидателя, деятельностного субъекта, который активно взаимодействует с социальными структурами. В его интерпретации человек — это субъектный деятель, который делает выбор в поле социальной реальности и реализует его. По его мнению, человек становится субъектным деятелем в том случае, если он оказывает влияние на ситуацию и преобразует ее. Штомпка вводит в своих исследованиях термин «субъект социальных изменений», который представляет особый интерес в нашем исследовании. Ученый рассматривает общество не как застывшую структуру и не как продукт взаимодействия людей, а как процесс, и субъект социальных изменений в его интерпретации — это тот социальный субъект, который обладает направляющей силой данного процесса. Социальный субъект, согласно Штомпке, не только изменяет социальные структуры, но и сам способ их построения (Штомпка 1996: 23). При этом, по мнению исследователя, изменение социальной реальности не есть результат лишь действий субъектных деятелей, а его взаимодействия с социальными структурами.

СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В российской социологической науке также большое внимание уделяется проблематике социальной субъектности, которая преимущественно рассматривается в контексте деятельности субъекта в поле социальных отношений, влияния внешних — общественных — механизмов на формирование данного качества и того, как проявляется субъектность в поле социальных отношений — в процессах социальной интеграции и адаптации, интеракции с другими субъектами. Вопросы становления социальной субъектности как качества субъекта в социологии изучаются в трудах В. А. Лукова, Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова.

В. Луков при изучении строения, функционирования и развития общества отводит социальной субъектности доминирующую роль, и представленная им субъектно-ориентированная социологическая концепция получила название «тезаурусная социология» (Луков, 2018).

С иной точки зрения, в рамках виталистской социологии рассматривают социальную субъектность С. И. Григорьев и А. Д. Демина. Их интерпретация данной социальной категории получила развитие в трудах Е. Ю. Леоновой, А. Л. Мехришвили, О. Ф. Ларионовой, А. Ю. Дитятева. Социальную субъектность на групповом уровне изучает Ю. Ю. Волков, ставящий в рамках своего исследования задачу исследования социоструктурных, институциональных и ценностных параметров социальной субъектности российских финансистов как индикаторов социально-экономических изменений и тенденций развития российского общества (Волков, 2015). Эмпирические социологические исследования, посвященные социальной субъектности отдельных социальных групп и общностей, сосредоточены преимущественно на изучении вопро-

сов присвоения и проявления данного качества субъекта в отношении молодежи, что обусловлено влиянием в первую очередь концепции В. А. Лукова (В. В. Алиев, Т. Е. Мальцева, М. С. Прошин, А. Ю. Нестеров и пр.). Типологизацию социальной субъектности в отношении разных социальных групп осуществляет О. В. Оконешникова (Оконешникова, 2011). М. М. Старикова и И. А. Мальковская изучают процесс развития и трансформации идей социальной субъектности личности (Старикова, 2009; Мальковская, 2008).

Как показал проведенный нами контент-анализ социологических исследований, посвященных данной тематике, одной из доминант, определяющей различие теоретических концепций отечественных социологов, является рассмотрение социальной субъектности как качества личности или качества субъекта. С. И. Григорьев, Л. Д. Демина, а также их последователи рассматривают социальную субъектность в рамках виталистской социологии как качество личности, что предполагает возможность исследовать ее взаимосвязи с социальным самочувствием, социальным настроением, социальным оптимизмом. В своей концепции жизненных сил человека они определяют субъектность как характеристику жизненных сил человека, которую они представляют «как способность личности к воспроизводству и совершенствованию своей жизни» (Жизненные силы ... , 2000: 32). В их представлении структура жизненных сил человека включает три уровня субъектности, первый из которых — индивидуальная субъектность, а два других — социальная субъектность, при этом на втором уровне составляющими социальной субъектности являются потребности, ценности, нормы, социальные роли, отношения и психосемантические конструкты, а на третьем — высшем уровне — те характеристики, которые определяют духовность конкретной личности и основу ее судьбы (там же: 137).

Данная дифференциация при изучении социальной субъектности как качества личности представляется нам вполне оправданной. Авторы соглашались с тем, что любая деятельность человека в поле социальных отношений превращает его в субъект деятельности, однако полагают, и мы согласны с данной идеей, что социальная субъектность — это более комплексное и глубокое качество. На третьем уровне жизненных сил социальная субъектность представлена уже как качество, позволяющее человеку существовать на новом уровне отношений с миром — уровне самодетерминации, когда он становится подлинным творцом социальной реальности. С. И. Григорьев, Л. Д. Демина отмечают, что индивид, являясь и объектом, и субъектом социального действия в зависимости от выполняемой роли, в определенных условиях может закрепиться в статусе объекта социального действия (там же: 130). Однако мы полагаем, что здесь необходимо определенное уточнение. Если обратиться к предложенной учеными структуре жизненных сил человека, то индивид в таких условиях, вступая во взаимодействия с другими субъектами общественных отношений, уже проявляет свою социальную субъектность, представленную преимущественно вторым уровнем структуры жизненных сил, однако он не может реализовать свою социальную субъектность в должной мере на третьем уровне, так как не имеет возможности выступать в качестве подлинного творца социальной реальности.

В эмпирических социологических исследованиях российских ученых, занимающихся изучением социальной субъектности, можно найти схожие с данными выводами утверждения, хотя и представленные в несколько иной интерпретации. Так, Ю. В. Березутский при изучении проблематики молодежи отмечает, что в советское время социальная субъектность молодежи была замещена патернализмом и иждивен-

чеством (Березутский, 2009: 169). Действительно, как нам представляется, в жестко детерминированной социальной системе обретение права на рефлексию, на активность в соответствии с собственными, а не навязанными системой ценностными ориентирами и смыслами существенно затруднено, что препятствует становлению индивида подлинным творцом социальной реальности. При этом нельзя утверждать, что члены советского общества не обладали социальной субъектностью и тотально выступали лишь как объекты социального действия. Это было бы невозможно, так как противоречит самой идее формирования общества. Как можно предположить, в данном случае социальная система была организована таким образом, что проявление социальной субъектности индивидом (а в определенной степени и ее присвоение) в полной мере было ограничено преимущественно вторым уровнем социальной субъектности и препятствовало его выражению на качественно ином уровне. В целом же можно прийти к выводу, что при таком подходе социальная субъектность рассматривается преимущественно как совокупность неких внутренних качеств, факторов личности, определяющих ее способность к самостоятельному осуществлению социальной деятельности. Даже нормы и ценности общества, которые являются на первый взгляд внешними по отношению к личности факторами, согласно данной позиции, были интериоризированы личностью, стали частью тех социально-психологических составляющих, которые определяют ее социальную субъектность.

Интерпретация социальной субъектности как качества личности получила развитие в трудах Е. Ю. Леоновой, О. Ф. Ларионовой, А. Ю. Дитятева. Их интересуют те механизмы, которые позволяют изменять ценностно-нормативные установки личности, мотивирующие ее занять активную жизненную позицию и выбирать те средства для достижения поставленных целей, которые будут полезны для общества. Так, Е. Ю. Леонова и Л. Л. Мехришвили рассматривают особенности формирования созидательной и криминальной социальной субъектности студентов-осужденных (Леонова, Мехришвили, 2013: 115). Е. В. Богданова указывает на необходимость сосредоточиться на изучении той субъектной позиции, которую занимает конкретная личность. Она рассматривает субъектную позицию с позиции возможности изменять внутренний мир, выстраивать стратегию и тактику собственной жизнедеятельности (Богданова, 2010).

Подход к социальной субъектности как к качеству личности оставляет в некоторой мере «за скобками» внешние факторы, которые, как и совокупность внутренних качеств личности, определяют способность субъекта выступать в качестве активного творца социальной реальности. При таком подходе в нашем понимании социальная субъектность рассматривается преимущественно как свойство личности, а не субъекта. Между тем данные понятия не являются тождественными. В отличие от личности субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, поэтому быть творцом социальной реальности в данном понимании — это не только обладать способностью осуществлять сознательный выбор, но и иметь возможность реализовывать его в своей деятельности.

В. А. Луков, А. И. Ковалева, Ю. А. Зубок, В. И. Чупров сосредоточили свое внимание на изучении вопросов становления социальной субъектности как качества субъекта. Луков представил концепцию молодежи, в которой социальная субъектность является результатом формирования определенного тезауруса — «полного систематизированного свода освоенных социальным субъектом знаний» (Луков, 2013: 72), которые имеют для него значение для ориентации в окружающей среде и расширяют понимание са-

мого себя и мира. Тезаурус в рамках предложенной ученым концепции имеет много общего с габитусом П. Бурдьё, на что обращает внимание и сам ученый (там же: 69). Как и французский исследователь, Луков концентрирует внимание на том, что социальные действия индивидов — это продукт диалектических отношений между ситуацией, в которой оказался автор, и тем сводом знаний, который им усвоен. На основе полученных знаний он делает свой выбор в поле социальных отношений и выстраивает ценностное отношение к важнейшим сторонам общественной жизни, чем, по мнению Лукова, и проявляет свою субъектность, рассматриваемую им как независимость от системы социальности более высокого порядка. Таким образом, как мы можем предположить, опираясь на предложенную Луковым концепцию, действия (или бездействие, если того требует ситуация) являются проявлением социальной субъектности лишь при условии, что субъект не просто поступает в соответствии с теми нормами, которые существуют в социальной общности, ожиданиями общества от него как от носителя определенного социального статуса, а вкладывает в свои действия определенный смысл. Важной особенностью данной концепции является то, что тезаурус осваивают как индивиды, так и социальные группы, и, соответственно, социальная субъектность может быть рассмотрена на индивидуальном и на групповом уровне.

Социальная субъектность выражается, согласно В. А. Лукову, через «обладание субъектом социально обусловленными возможностями к социальной деятельности и способности к ее самостоятельному осуществлению (Луков, 2012: 321). Таким образом, данное качество субъекта, если следовать данной концепции, определяется двумя детерминантами: внутренними факторами, определяющими способность субъекта сделать выбор в поле социальных отношений; внешними условиями, которые позволяют (или не позволяют) ему реализовать данный выбор. Такой подход к социальной субъектности позволяет рассмотреть данное качество иным образом, чем свойство личности, — как способность не только сделать свой выбор в поле социальных отношений, но и реализовать его посредством своей социальной деятельности.

Так как социальная субъектность присваивается человеком в процессе социализации, то данное качество тесно связано с социальной идентификацией. А. И. Ковалева и Г. З. Нафикова приходят к выводу о том, что, во-первых, социальная субъектность проявляется в социальной идентификации. А во-вторых, посредством нее усваивается, ведь социальная идентификация закрепляется в процессе социализации обретением индивидом социальных черт, которые свойственны ему как члену определенной социальной группы и подтверждают его социальный статус и социальную субъектность в конкретных действиях (Ковалева, 2004; Нафикова, 2011). Мы склонны согласиться с данным утверждением, ведь, с одной стороны, индивид в процессе социальной идентификации причисляет себя к определенной социальной группе, общности, посредством которой осваивает значимые для него стереотипы поведения, ценности и нормы, свойственные данной группе, т. е. усваивает те знания, которые формируют его тезаурус, а социальная субъектность — это результат формирования данного тезауруса. С другой стороны, социальная идентификация определяет социальные рамки поведения, т. е. проявления социальной субъектности конкретного индивида. Социальному статусу, которым обладает индивид, соответствует свойственный ему ролевой набор — ожидаемые от человека действия, направляющие его поведение, которое люди рассматривают как соответствующее или не соответствующее обладателю статуса. Также социальный статус диктует условия использования социальных лифтов, обеспечивающих возможности для социальной мобильности в обществе.

Таким образом, проявление социальной субъектности индивидом осуществляется в рамках определенного социального статуса и свойственных ему социальных ролей. Даже если он совершает социальные действия, не соответствующие его статусно-ролевому набору, то и в этом случае социальная субъектность проявляется в социальной идентификации, только уже посредством попыток преодолеть социальные рамки, усугубляемые его социальным статусом.

Интересен подход к изучению социальной субъектности Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова. Они анализируют, каким образом субъект осуществляет выбор в поле социальных отношений, когда определение значимых для него целей и путей их достижения осуществляется в сложных социальных условиях (Зубок, Чупров, 2011). Они приходят к выводу, что в нелинейно развивающейся социальной системе, которая лишена жесткой детерминированности, субъект при осуществлении выбора вынужден будет перераспределять определенным образом потребности и интересы, смыслы и значения и примет наиболее рациональное, по его мнению, решение. В этом случае субъектная саморегуляция будет происходить на нескольких уровнях, что позволит субъекту активно и автономно существовать и действовать в постоянно меняющемся обществе. Развивая идею, предложенную Зубок и Чупровым, мы можем предположить, что определенные объективные и субъективные факторы могут оказывать влияние на процесс социокультурной саморегуляции, что обуславливает специфику формирования и, соответственно, проявления социальной субъектности и осуществления выбора в поле социальных отношений.

Для А. И. Ковалевой характерен интегральный подход к социальной субъектности. У Ковалевой личность и субъект — понятия тождественные, что определяет специфику изучения ею процесса присвоения социальной субъектности индивидом. Ее интересует процесс становления человека в ходе своего развития подлинным субъектом, который совершает сознательные действия, руководствуясь собственными смыслами, а не навязанными ему обществом нормами и ценностями. Таким образом, она акцентирует внимание на внутренних факторах присвоения социальной субъектности. Обретение социальных черт, подтверждающих субъектность индивида, как отмечает исследователь, выражается в его осознании своей способности влиять на окружающую действительность и совершать реальные поступки и действия (Ковалева, 2004).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная субъектность может быть рассмотрена как качество личности и как качество субъекта, и данные понятия не являются тождественными, что обуславливает необходимость интерпретации каждого из данных терминов. Социальную субъектность как качество личности мы интерпретируем как обладание личностью совокупности социально-психологических характеристик, определяющих ее способность осуществлять сознательный, самостоятельный выбор в поле социальных отношений, выстраивать ценностное отношение к важнейшим сторонам общественной жизни и планировать свою жизненную траекторию. Социальная субъектность как качество субъекта — способность субъекта быть подлинным творцом социальной реальности, когда он способен сделать свой выбор в поле социальных отношений и реализовать его посредством своей социальной деятельности.

При изучении проявлений социальной субъектности как качества субъекта возникает необходимость учитывать не только способность индивида к самостоятельному осуществлению социальной деятельности, но и принимать во внимание то, какими

субъект обладает социально обусловленными возможностями к социальной субъектности, определяющими границы проявления им данного качества. Такими факторами являются социальные нормы и ценности, присущие той социальной общности, в которую включен индивид, а также доступность структурных и институциональных возможностей для проявления социальной субъектности. В некоторых случаях субъект может быть поставлен в такие условия, что возможности для реализации его социальной субъектности ограничены, он не может самостоятельно конструировать свой жизненный путь и осуществлять самостоятельный выбор в поле социальных отношений.

Интерпретация социальной субъектности как качества субъекта делает возможным рассмотрение данного качества на двух уровнях: индивидуально-личностном и групповом. В контексте рассмотрения группового социального субъекта особое внимание будет сосредоточено преимущественно на изучении способности группы к конструированию социокультурной реальности и проявляемой ею активности. При рассмотрении социальной субъектности как качества личности необходим анализ внутренних факторов присвоения социальной субъектности и ее проявления при осуществлении социальной деятельности. При такой интерпретации социальной субъектности, во-первых, указывается на то, что социальная субъектность как качество личности может иметь определенное значение как для самого индивида, так и для общества, в зависимости от того, какой он сделал ценностный выбор жизненной стратегии самореализации. Во-вторых, поднимается вопрос целесообразности и перспективности использования определенных методов и приемов, способствующих присвоению социальной субъектности, направленной на установление эффективных социальных отношений с другими субъектами взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с нем. Е. Руткевич. М.: Медиум. 323 с.
- Березутский, Ю. В. (2009) Оценка влияния государственной молодежной политики на социальную субъектность молодежи региона: итоги десятилетия // Социология власти. №8. С. 167–176.
- Богданова, Е. В. (2010) Профессиональная субъектность личности в волонтерской деятельности // Философия образования. №3. С. 263–270.
- Бурдые, П. (2005) Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 576 с.
- Вебер, М. (1990) Основные социологические понятия // Вебер, М. Избранные произведения: пер. с нем./ сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс. 808 с. С. 602–633.
- Волков, Ю. Ю. (2015) Социальная субъектность финансистов в российском обществе: структурное, институциональное и ценностное изменения. М.: Русайнс. 266 с.
- Гарфинкель, Г. (2007) Исследования по этнометодологии / пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб.: Питер. 335 с.
- Гидденс, Э. (2005) Устроение общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. / пер. с англ. И. Тюрина. М.: Академический проект. 528 с.
- Дебор, Г. (2000) Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертасас, М. Якубович. М.: Логос. 184 с.
- Дюркгейм, Э. (1995) Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон. 352 с.
- Жизненные силы человека: социальная метатеория или виталистская социологическая парадигма? (2000) / ред. С. И. Григорьев, Л. Д. Демина. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета. 244 с.

- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2011) Социокультурный механизм саморегуляции в политической жизни молодежи // Социология власти. №6. С. 9–12.
- Ковалева, А. И. (2004) Социализация // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 139–143.
- Конт, О. (2003) Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении) / пер. с фр. И. А. Шапира. Ростов н/Д : Феникс. 256 с.
- Кравченко, С. А. (2011) Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии. М. : МГИМО-Университет. 408 с.
- Кули, Ч. (2000) Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. под ред. А. Б. Толстова. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги. 320 с.
- Леонова, Е. Ю., Мехришвили, Л. А. (2013). Специфика реализации высшего профессионального образования в системе исполнения наказания. Тюмень : ТюмГНГУ. 160 с.
- Луков, Вал. А. (2018) Тезаурусная социология : в 4 т. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета. Т. 1. 608 с.
- Луков, Вал. А. (2013) Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания. М. : Изд-во Московского гуманитарного университета. 430 с.
- Луков, Вал. А. (2012) Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация». 528 с.
- Мальковская, И. А. (2008) Метаморфозы субъектности в современном мире // Социологические исследования. №5. С. 16–25.
- Нафикова, Г. З. (2011) Латентные механизмы развития социальной субъектности // Вестник Башкирского университета. Т. 16. №2. С. 553–556.
- Оконешникова, О. В. (2011) Типы социальной субъектности в пожилом возрасте // Вестник СПбГУ. Серия 12. Вып. 3. С. 111–120.
- Парсонс, Т. (2002) О структуре социального действия : пер. с англ. / под общ. ред. В. А. Чесноковой, С. А. Белановского. М. : Академический проект. 880 с.
- Симонова, О. А. (2008) К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. №3. С. 45–61.
- Эриксон, Э. (1996) Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М. : Издательская группа «Прогресс». 344 с.
- Спенсер, Г. (1997) Синтетическая философия / пер. Э. Ю. Лоцман. Киев : Ника-Центр. 513 с.
- Старикова, М. М. (2009) Социологический дискурс субъектных свойств личности (на примере западных социологических концепций) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. №4. С. 124–131.
- Штомпка, П. (1996) Социология социальных изменений / пер. с англ. А. С. Дмитриева ; под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект-Пресс. 416 с.
- Щюц, А. (2004) Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев, С. В. Ромашко, Н. М. Смирнова. М. : Российская политическая энциклопедия. 1056 с.
- Birman, J. (1999) Mal-estar na actualidade. A psicanalise e as novas formas de subjetivacao. Rio de Janeiro : Civilizacao Brasileira. 300 p.
- Haralambos, M. and Holborn, M. (2004) Sociology. Themes and Perspectives. London : HarperCollins. 204 p.

Дата поступления: 14.09.2018 г.

*DEVELOPMENT OF THE IDEAS ABOUT A SUBJECT'S ABILITY TO CHOOSE
AND MODERN DISCUSSION ON SOCIAL SUBJECTNESS*

A. A. DARGAN

NORTH-CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY

This article analyzes the theoretical concepts of social subjectness by Western and Russian social scientists. The dominant determining the differences between these concepts is the consideration of social subjectness as the quality of an individual or the quality of a subject.

Social subjectness as a personal quality is considered through an individual possessing a set of social and psychological characteristics that determine their ability to exercise a conscious, independent choice in the field of social relations, to build up a value attitude towards the most important aspects of social life and to plan the trajectory of one's own life (S. I. Grigoriev, L. D. Demina, E. Yu. Leonova, O. F. Larionova). The consideration of social subjectness as the quality of an individual makes its two-level differentiation possible; it also opens the prospects for studying the mechanisms of formation of a certain type of social subjectness. After all, with such an approach, social subjectness can be of certain significance both for the individual and society, depending on how they made the value-based choice of a life strategy for self-realization.

Social subjectness as the quality of a subject is defined differently: it is the ability of a subject to be the creator of social reality, which is expressed in their capacity to make a choice and exercise it in the field of social relations further on (Val. A. Lukov, Y. A. Zubok, V. I. Chuprov, G. Z. Nafikova). Within the framework of this approach, social subjectness can be considered at two levels: the individual-personal level and the group level, where the subject is not an individual, but a social group. In this case, social subjectness is conditioned by two determinants: internal factors, qualities of the subject, determining their ability to make a choice in the field of social relations; external conditions that allow them to exercise this choice.

Keywords: social subjectness; subject; social identification; quality of an individual; quality of a subject

REFERENCES

- Berger, P. and Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* / transl. from Engl. by E. Rutkevich. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).
- Berezutskii, Iu. V. (2009) Otsenka vlianiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki na sotsial'nuiu sub'ektnost' molodezhi regiona: itogi desiatiletiya. *Sotsiologiya vlasti*, no. 8, pp. 167–176. (In Russ.).
- Bogdanova, E. V. (2010) Professional'naya sub'ektnost' lichnosti v volonterskoi deyatelnosti. *Filosofiya obrazovaniya*, no. 3, pp. 263–270. (In Russ.).
- Burd'e, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* / transl. from Fr. by N. A. Shmatko. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii; St. Petersburg, Aleteiya. 576 p. (In Russ.).
- Veber, M. (1990) Osnovnye sotsiologicheskie poniatia. In: Veber, M. *Izbrannyye proizvedeniya*: transl. from Germ. / Iu. N. Davydov (ed.). Moscow, Progress. 808 p. Pp. 602–633. (In Russ.).
- Volkov, Iu. Iu. (2015) *Sotsial'naya sub'ektnost' finansistov v rossiiskom obschestve: strukturnoe, institutsional'noe i tsennostnoe izmeneniya*. Moscow, Rusains. 266 p. (In Russ.).
- Garfinkel', G. (2007) *Issledovaniya po etnometodologii* / transl. from Engl. by Z. Zamchuk, N. Makarova and E. Trifonova. St. Petersburg, Piter. 335 p. (In Russ.).
- Giddens, E. (2005) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii*. 2nd ed. / transl. from Engl. by I. Tiurina. Moscow, Akademicheskii proekt. 528 p. (In Russ.).
- Debor, G. (2000) *Obshchestvo spektaklya* / transl. from Fr. by S. Ofertas and M. Iakubovich. Moscow, Logos. 184 p. (In Russ.).
- Diurkgeim, E. (1995) *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* / transl. from Fr. by A. B. Gofman. Moscow, Kanon. 352 p. (In Russ.).
- Zhiznennyye sily cheloveka: sotsial'naya metateoriya ili vitalistskaya sotsiologicheskaya paradigma?* (2000) / ed. by S. I. Grigor'ev and L. D. Demin. Barnaul, Izd-vo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 244 p. (In Russ.).
- Zubok, Iu. A. and Chuprov, V. I. (2011) Sotsiokul'turnyy mekhanizm samoregulatsii v politicheskoi zhizni molodezhi. *Sotsiologiya vlasti*, no. 6, pp. 9–12. (In Russ.).
- Kovaleva, A. I. (2004) Sotsializatsiya. *Znanie. Ponimaniye. Umeniye*, no. 1, pp. 139–143. (In Russ.).
- Kont, O. (2003) *Dukh pozitivnoi filosofii (slovo o polozhitel'nom myshlenii)* / transl. from Fr. by I. A. Shapiro. Rostov n/D., Feniks. 256 p. (In Russ.).
- Kravchenko, S. A. (2011) *Slovar' noveishei sotsiologicheskoi leksiki: teorii, poniatia, personalii*. Moscow, MGIMO-Universitet. 408 p. (In Russ.).

Kuli, Ch. (2000) *Cbelovecheskaia priroda i sotsial'nyi poriadok* / transl. from Engl. by A. B. Tolstov. Moscow, Ideia-Press; Dom intellektual'noi knigi. 320 p. (In Russ.).

Leonova, E. Iu. and Mekhrishvili, L. L. (2013). *Spetsifika realizatsii vysshego professional'nogo obrazovaniia v sisteme ispolneniia nakazaniia*. Tiumen', TiumGNGU. 160 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2018) *Tezaurusnaia sotsiologiya* : in 4 vol. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo unversiteta. Vol. 1. 608 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2013) *Biosotsiologiya molodezbi: teoretiko-metodologicheskie osnovaniia*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo unversiteta. 430 p. (In Russ.).

Lukov, V. A. (2012) *Teorii molodezbi: mezhdistsiplinarnyi analiz*. Moscow, «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiia». 528 p. (In Russ.).

Mal'kovskaia, I. A. (2008) Metamorfozy sub»ektnosti v sovremennom mire. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 16–25. (In Russ.).

Nafikova, G. Z. (2011) Latentnye mekhanizmy razvitiia sotsial'noi sub»ektnosti. *Vestnik Bashkirskogo unversiteta*, vol. 16, no. 2, pp. 553–556. (In Russ.).

Okoneshnikova, O. V. (2011) Tipy sotsial'noi sub»ektnosti v pozhilom vozraste. *Vestnik SPbGU*, Issue 12, vol. 3, pp. 111–120. (In Russ.).

Parsons, T. (2002) *O strukture sotsial'nogo deistviia* : transl. from Engl., ed. by V. A. Chesnokova and S. A. Belanovskii. Moscow, Akademicheskii proekt. 880 p. (In Russ.).

Simonova, O. A. (2008) K formirovaniu sotsiologii identichnosti. *Sotsiologicheskii zurnal*, no. 3, pp. 45–61. (In Russ.).

Erikson, E. (1996) *Identichnost' : iunost' i krizis* / transl. from Engl., ed. by A. V. Tolstykh. Moscow, Izdatel'skaia gruppa «Progress». 344 p. (In Russ.).

Spenser, G. (1997) *Sinteticheskaia filosofiya* / transl. by E. Iu. Lotsman. Kiev, Nika-Tsentr. 513 p. (In Russ.).

Starikova, M. M. (2009) Sotsiologicheskii diskurs sub»ektnykh svoistv lichnosti (na primere zapadnykh sotsiologicheskikh kontseptsii). *Vestnik Nizhegorodskogo unversiteta im. N. I. Lobachevskogo. Issue: Sotsial'nye nauki*, no. 4, pp. 124–131. (In Russ.).

Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* / transl. from Engl. by A. S. Dmitriev; ed. by V. A. Iadov. Moscow, Aspekt-Press. 416 p. (In Russ.).

Shchiuts, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, sviatshchiisia smyslom* / transl. from Germ. By V. G. Nikolaev, S. V. Romashko and N. M. Smirnova. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia. 1056 p. (In Russ.).

Birman, J. (1999) *Mal-estar na actualidade. A psicanalise e as novas formas de subjetivacao*. Rio de Janeiro, Civilizacao Brasileira. 300 p.

Haralambos, M. and Holborn, M. (2004) *Sociology. Themes and Perspectives*. London, HarperCollins. 204 p.

Submission date: 14.09.2018.

Дарган Анна Александровна — кандидат социологических наук, специалист Центра инклюзивного образования Северо-Кавказского федерального университета. Адрес: 355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1. Тел.: +7 (961) 494-24-27. Эл. адрес: annadargan@mail.ru

Dargan Anna Aleksandrovna, Candidate of Sociology, Specialist, Center of Inclusive Education, North-Caucasus Federal University. Postal address: 1, Pushkina St., Stavropol, Russian Federation, 355009. Tel.: +7 (961) 494-24-27. E-mail: annadargan@mail.ru